

2) влияют на корректировку достижения художественной цели произведения – философски осмыслить природу государственной власти.

Эстетическая игра в художественном тексте – это не только конкретные изобразительно-выразительные средства. Комбинируя фрагменты реального и воображаемого миров, автор ведёт такую игру с читателем. Если между автором и читателем возникает контакт, то читатель оказывается вовлечённым в эту игру. Нравственная и эстетическая значимость художественного текста зачастую начинают предопределять сознание и формы существования человека, что используется литературой прямо и косвенно. Художественное произведение становится в той или иной степени «предупреждением», позволяя читателю «пережить в тексте» духовный опыт, не сталкиваясь напрямую с какими-то конкретными ситуациями. Обыденный язык, будучи постоянно употребляемым «инструментом», нивелирует образную природу слова, тогда как художественный дискурс намеренно культивирует способность языка создавать образы.

Список литературы

1. Иванова И. Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы) : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Иванова. – Ставрополь, 2006. – 528 с.
2. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы / Ф. Искандер. – Москва : Эксмо, 2009. – 832 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 1-е изд. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.

References

1. Ivanova I. N. Tipologiya i evolyutsiya ironii v poezii russkogo modernizma (1890–1910 godyi). Stavropol, 2006. 528 p.
2. Iskander F. Kroliki i udavyi; Sozvezdie Kozlotura; Detstvo Chika: pritcha, povest, rasskazyi. Moscow, Eksmo, 2009. 832 p.
3. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyik i yazykovaya lichnost. 1st izd. Moscow, Nauka, 1987. – 264 p.

САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Покотыло Михаил Валерьевич, кандидат филологических наук, Ростовский государственный университет путей сообщения, 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового полка Народногo ополчения, 2, e-mail: www@gups.ru.

В статье предпринята попытка рассмотреть специфику сатиры известного писателя и драматурга XX века М.А. Булгакова. Автор статьи полагает, что, используя различные жанровые формы и приёмы, писатель сатирически осмысливает современную ему советскую действительность и критически отвергает возможность искусственного революционного пути. Сатирические произведения М.А. Булгакова отнесены с этих позиций к жанру сатирической антиутопии.

Ключевые слова: антиутопия, булгаковедение, сатира, жанр, жанровый синкретизм

SATIRE IN THE CREATIVITY OF M.A. BULGAKOV: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Pokotylo Michael V., Candidate of Philological Sciences, Rostov State University of Railway Transport, 344038, Russia, Rostov-on-Don, 2 Rostov Rifle Regiment of the People's Militia sq., e-mail: www@gups.ru.

The paper attempts to examine the specifics of the satire of the famous writer and dramatist of the twentieth century MA Bulgakov. The author suggests using a variety of genre forms and techniques, satirical writer interprets his day Soviet reality and critically rejects the possibility of artificial revolutionary path. Satirical creativity of M.A. Bulgakov assigned to these positions to the genre of satirical dystopia.

Keywords: Dystopia, bulgakovedenie, satire, genre, genre's syncretism

Для М.А. Булгакова сатирическое восприятие жизни весьма органично, и это не случайно. В его творчестве сатира представляет собой доминирующее начало художественного мира писателя, хотя не все произведения можно назвать сатирическими в целом (например, роман «Белая гвардия» или пьеса «Дни Турбиных» не укладываются в рамки лишь сатирического жанра, то же можно сказать и о «закатном» романе «Мастер и Маргарита»). Прав Н. Степанов, воспринимающий сатиру М.А. Булгакова как «многоаспектную, многослойную, динамически развивающуюся художественно-эстетическую систему» [11, с. 6], охватывающую всё творчество писателя – как «чисто сатирические» произведения, так и прозаические произведения и пьесы, в структуре которых сатирические образы и мотивы занимают определённое место.

В современном литературоведении не существует единой, принятой всеми, дефиниции термина «сатира». Наиболее распространено понимание сатиры как «специфического способа художественного восприятия действительности, раскрывающего её как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное (содержательный аспект) посредством смеховых, обличительно-осмеивающих образов (формальный аспект)» [9, с. 118]. Мировой литературный процесс свидетельствует о сложных, изменчивых, неожиданных разновидностях сатиры. Охватывая все виды и жанры, она эксплицирует противоречивые эстетические свойства, что позволяет образовывать различные синкретичные модификации на основе структурных элементов лирики, эпоса и драмы, отчасти деформированных и преобразованных в новом ключе. Сатирические жанры в качестве своей доминанты имеют, бесспорно, сатирический пафос, который разнообразно воплощается в фельетоне, басне, комедии, памфлете и др. В свою очередь, если сатирические мотивы реализованы в несатирических произведениях, они служат решению сложных художественных задач. Особый колорит, который приобретает такое произведение, возникает как результат взаимодействия сатирических элементов (персонажей, диалогов, ситуаций, стиля) и основных составляющих художественного мира. Это взаимодействие сообщает обоим уровням, основному и дополнительному, новые качества. Все указанные особенности, на наш взгляд, нашли отражение и в творчестве М.А. Булгакова.

Современное булгаковедение обладает огромным эвристическим потенциалом, основанным на результатах изучения жизни и творчества писателя. В последние десятилетия активизируется интерес отечественных исследователей к сатире писателя, свидетельство чему – многочисленные предисловия и послесловия к сборникам сатирических произведений М.А. Булгакова, статьи Л.Б. Менглиновой, Е. Яблокова, монография Н. Степанова [11], кандидатские диссертации А.Ф. Петренко [7], Н.В. Долговой [4], Н.А. Плаксицкой [8]. В зарубежном (на это указывает в своём исследовании И.Л. Галинская [1]), а затем и в отечественном литературоведении развиваются два подхода к изучению творчества М. Булгакова – социополитический и философско-эстетический.

Первый подход основан на поиске прототипов, продуцировании прямых аналогий реальных эпизодов общественно-политической жизни и событийной канвой произведений М.А. Булгакова [7]. Таковы исследования англоязычных булгаковедов – Дж.Б. Пайпера (Великобритания), Ричарда У.Ф. Поупа (Канада), Элен Н. Малоу (США), в которых роман «Мастер и Маргарита» воспринимается как «аллегорическое сатирическое повествование о десятилетии сталинского режима (1928–1938 гг.) или вообще об истории России» [2]. Так, Дж.Б. Пайпер проводит параллели между убийством Иуды из Кириафа и убийством С.М. Кирова, «свита Волаанда ассоциируется критиком с приспешниками Сталина – Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем» [7].

чем, судьба Семплеярова и Бенгальского повторяет судьбу Зиновьева и Енкидзе, а появление Степы Лиходеева в Ялте есть не что иное, как ссылка Троцкого в Алма-Ату» [2]. По мнению живущего в США булгаковеда С. Иоффе, Булгаков «все свои произведения пишет в тайнописной манере, создавая сатирико-мемуарную картину своего времени» [5], а задача литературоведов и историков – «дать каждому тайнописному произведению Булгакова первичную расшифровку» [5]. В своей статье «Тайнопись в "Собачьем сердце"» исследователь даёт первичную расшифровку известной сатирической повести Булгакова. Иоффе полагает, что практически у всех героев, как главных, так и второго плана, повести «Собачье сердце» есть реальные прототипы в политической жизни советской России 1920-х гг.: профессор Преображенский – «закамуфлированный» Ленин, доктор Борменталь – Лев Давидович Троцкий, прообразом Сталина в повести являются два литературных героя – балалаечник Клим Чугункин и пёс Шарик, Швондер – Лев Борисович Розенфельд-Каменев, кухарка Дарья – Ф.Э. Дзержинский.

Такие трактовки образов свидетельствуют об упрощённом понимании природы художественной литературы и зачастую не имеют под собой никакой доказательной базы. Безусловно, как сатирик Булгаков в своих произведениях обращался к современным ему проблемам советской действительности, однако как художник он пытался их осмыслить в глубоком философском ключе, с учётом общечеловеческих гуманистических идей и ценностей, ведь проблемы поднятые писателем в 1920–1930-е гг. актуальны и в наше время.

Философско-эстетический подход направлен на реализацию многомерности в представлении о художественном мире произведения. По правомерному утверждению М. Бахтина, овеществление как изучение текста с позиций внетекстовой внешней действительности «неизбежно приводит к исчезновению бесконечности и бездонности значения. Раскрыть же, прокомментировать и углубить смысл можно лишь при помощи других смыслов (то есть посредством философско-художественной интерпретации), отчего истолкование символических структур уходит в бесконечность символических значений» [7]. В таком ключе позиционированы работы зарубежных булгаковедов Э.К. Райта, Т.Р.Н. Эдварса, Надин Натова, Джули Кертис [2]. Полагаем, прав А.Ф. Петренко, считающий, что нельзя игнорировать специфику функций и возможностей сатиры, и полагающий, что полное представление о сатирическом произведении возможно лишь при условии его изучения с позиций обоих подходов [7]. Примером такого анализа творчества М.А. Булгакова является монография С.В. Никольского «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)», где акцент сделан на «искусстве подтекста, повествовании с «ключом», иносказательных мотивах, аллюзиях» [6], и убедительно показано «срастание структуры и философской притчи с адресной сатирой на современность» [6] в произведениях писателя.

По мнению С.В. Никольского, М.А. Булгаков в своём творчестве «совмещает условно-притчевые и фантастические жанровые формы с непосредственным и конкретным обличением реальных сил зла в современной жизни, соединяя эти структуры с иронической, смеховой, пародийной, сатирической, памфлетной стихией» [6, с. 6]. В произведении создаётся модель вымышленного фантастического мира, который чётко соотносит его с реальностью. Умелое использование писателем различных художественных приёмов позволяет сократить «зазор» между художественным миром и советской действительностью. Наличие в текстах Булгакова своеобразных «ключей», позволяет говорить о наличии в его сатирических повестях «поэтики зашифрованных мотивов и параллельных семантических полях» [6] и об ироническом осмыслении советской истории [6].

Закономерно, что изучение булгаковского творчества направлено и на выявление специфики жанрового синкретизма, присущего его произведениям. Так, украинский исследователь Е. Глушко обращает внимание на полифонизм жанрового содержания сатирических произведений писателя 1920-х гг.: в повести «Похождение Чичкова» присутствуют элементы жанра поэмы, фельетона, фантастической и философ-

ско-сатирической повести, в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» – элементы научной фантастики, антиутопии и сатиры [3].

На необходимость многоуровневого изучения жанровой природы произведений Булгакова указывает и О. Николенко, полагающая актуальным рассмотрение творчества писателя «сквозь призму жанра антиутопии, поскольку этот жанр аккумулирует в себе важнейшие социально-политические и нравственно-философские проблемы времени, позволяет заглянуть за пределы реальности – в саму суть изменяющегося мира и в душу человека» [6]. О. Николенко раскрывает черты эволюции мировоззрения писателя, связывая с ней и специфику булгаковской сатиры. Хотя М.А. Булгаков остро переживал кровавые события гражданской войны, он понимал необходимость преобразований и изменений в России. В этом видится основание чётко обозначенной в его очерках и рассказах начала 1920-х гг. («Грядущие перспективы», «Торговый ренессанс») надежды на изменение мира и его духовное возрождение. Однако уже «к осени 1923 года у Булгакова начинают таять надежды на экономическую свободу и некоторую деидеологизацию жизни» [6]. С этого времени в фельетонах и сатирических повестях писатель начинает активно высмеивать негативные явления советского общества, а смех соединяется с трагическими предчувствиями. Здесь можно говорить о формировании специфического жанра у Булгакова – сатирической антиутопии.

Отметим, что в современном литературоведении сохраняет свою актуальность проблема дифференцирования сатиры и антиутопии. Критерием их разграничения жанров служит, прежде всего, предмет, отрицаемый в художественном мире. Художественный мир сатиры репрезентирует определённые свойства действительности, современной писателю, тогда как антиутопия такие черты обнаруживает лишь в имплицитном виде. Сатира сохраняет потенциал эстетического воздействия в плане негативной оценки конкретных жизненных явлений, которая может варьировать в смысловой градации до отрицания общественного устройства в целом, но, как правило, сатирики не ставят своей целью системное описание негативных характеристик государства, кардинально отличающихся от существующих. Поэтому определить, что перед нами – сатира или антиутопия? – можно при опоре на исходный для автора момент: если его эстетической задачей является критика несовершенств современного ему социума, то мы имеем дело с сатирой; если же в произведении предстаёт иная реальность, не сходная в своих характеристиках с современностью, но в своей художественной структуре имеющая маркеры негативных тенденций, намечающихся в обществе, то перед нами антиутопия. Присутствие обоих векторов в произведении продуцируют жанр «сатиры-антиутопии»; если же возможно выделение доминирующего начала, то произведение получает определённую дефиницию жанра: утопия (позитивная либо негативная) с элементами сатиры, сатира с элементами утопии, иное жанрообразование с включением сатирических или утопических элементов [11, с. 33–34].

И.О. Родин отмечает, что если «сатира констатирует, то сатирическая фантастика, составляющая природу социальной антиутопии М. Булгакова, предупреждает общество о том, что может произойти в результате необдуманных "социальных" и прочих экспериментов» [10, с. 155–156].

Несомненно, в творчестве М. Булгакова реализуется жанровый синкретизм при доминировании антиутопии и сатиры, причём амбивалентность самой жизни позволяет выявить преобладание той или другой в создании координат художественного мира его произведений.

Список литературы

1. Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях // И. Л. Галинская // Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях: сб. науч. тр. – Режим доступа: http://www.telenir.net/literaturovedenie/nasledie_mihaila_bulgakova_v_sovremennyh_tolkovaniyah/p1.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

2. Галинская И. Л. Рецепция творчества М.А. Булгакова в англоязычной критике / И. Л. Галинская // Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях : сб. науч. тр. – Режим доступа: http://www.telenir.net/literaturovedenie/nasledie_mihaila_bulgakova_v_sovremennyh_tolkovaniyah/p1.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Глушко Е. Жанровое своеобразие сатирических повестей М. Булгакова / Е. Глушко. – Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/788-zhanrova-svoeridnist-satirichnih-povistej-m-bulgakova.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Долгова Н. В. Поэтика сатиры М.А. Булгакова 1930-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Долгова. – Коломна, 2005. – 159 с.
5. Иоффе С. Тайнопись в «Собачьем сердце» / С. Иоффе. – Режим доступа: http://bylgakov.ucoz.ru/index/s_ioffe_tajnopis_v_sobachem_serdtse/0-44, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Николенко О. Настоящее и будущее в антиутопиях Булгакова / О. Николенко. – Режим доступа: http://www.m-a-bulgakov.ru/nikolenko_1.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Петренко А. Ф. Сатирическая проза М.Л. Булгакова 1920-х годов. Поэтика комического : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ф. Петренко. – Пятигорск, 2000. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/satiricheskaya-proza-m-bulgakova-1920-kh-godov-poetika-komicheskogo>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Плаксицкая Н. А. Сатирический модус человека и мира в творчестве М.А. Булгакова: На материале повестей 20-х годов и романа «Мастер и Маргарита» : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Плаксицкая. – Елец, 2004. – 199 с.
9. Покотыло М. В. Творчество В. Войновича в аспекте психопоэтики: Личность и власть / М. В. Покотыло // Труды РГУПС. – 2013. – № 1. – С. 93–97.
10. Родин И. О. Сатира и социальная антиутопия в литературе 20-30-х годов / И. О. Родин. – Москва : Родин и К, 2002. – 786 с.
11. Романов С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е.И. Замятина в становление жанра антиутопии : дис. ... канд. филол. наук / С. Романов. – Курск, 1998. – 168 с.
12. Степанов Н. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX – первой половины XX веков / Н. Степанов. – Винница: Универсум-Винница, 1999. – 281 с.

References

1. Galinskaya I. L. Naslediye Mikhaila Bulgakova v sovremennykh tolkovaniyakh. Available at: http://www.telenir.net/literaturovedenie/nasledie_mihaila_bulgakova_v_sovremennyh_tolkovaniyah/p1.php.
2. Galinskaya I.L. Retseptsiya tvorchestva M.A. Bulgakova v angloyazychnoy kritike // Naslediye Mikhaila Bulgakova v sovremennykh tolkovaniyakh. Available at: http://www.telenir.net/literaturovedenie/nasledie_mihaila_bulgakova_v_sovremennyh_tolkovaniyah/p1.php.
3. Glushko Ye. Zhanrovoye svoeyebraziye satiricheskikh povestej M. Bulgakova. Available at: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/788-zhanrova-svoeridnist-satirichnih-povistej-m-bulgakova.html>.
4. Dolgova N. V. Poetika satiry M.A. Bulgakova 1930-kh godov. Kolomna, 2005. 159 p.
5. Ioffe S. Taynopis v «Sobachyem serdtse». Available at: http://bylgakov.ucoz.ru/index/s_ioffe_tajnopis_v_sobachem_serdtse/0-44.
6. Nikolenko O. Nastoyashcheye i budushcheye v antiutopiyakh Bulgakova. Available at: http://www.m-a-bulgakov.ru/nikolenko_1.html.
7. Petrenko A.F. Satiricheskaya proza M.L. Bulgakova 1920-kh godov. Poetika komicheskogo. Pyatigorsk, 2000. Available at: <http://www.disscat.com/content/satiricheskaya-proza-m-bulgakova-1920-kh-godov-poetika-komicheskogo>.

8. Plaksitskaya N. A. Satirichesky modus cheloveka i mira v tvorchestve M.A. Bulgakova: Na materiale povestey 20-kh godov i romana "Master i Margarita". Yelets, 2004. 199 p.
9. Pokotylo M. V. Tvorchestvo V. Voynovicha v aspekte psikhopoetiki: Lichnost i vlast // Trudy RGUPS. 2013. № 1. pp. 93–97.
10. Rodin I. O. Satira i sotsialnaya antiutopiya v literature 20-30-kh godov. Moscow, Rodin i K, 2002. 786 p.
11. Romanov S. Antiutopicheskiye traditsii russkoy literatury i vklad Ye.I. Zamyatina v stanovleniye zhanra antiutopii. Kursk, 1998. 168 p.
12. Stepanov N. Satira Mikhaila Bulgakova v kontekste russkoy satiry XIX – pervoy poloviny XX vekov. Vinnitsa: Universum-Vinnitsa, 1999. 281 p.